

Сова Минервы: умирает ли аналитическая философия?¹

Ганс-Йоганн Глок

Профессор философии, заведующий кафедрой Цюрихского университета
glock@philos.uzh.ch

Аннотация: По общему, хотя и не всеобщему мнению, аналитической философии немногим более ста лет. Ее нынешнее состояние, по-видимому, характеризуется сочетанием триумфа и кризиса. С одной стороны, в настоящее время это доминирующая сила в западной философии. В англоязычном мире она преобладает уже несколько десятилетий. И из-за институциональных фактов, особенно из-за численного превосходства американских философов и философских публикаций по сравнению с философами и публикациями в других странах, можно говорить о социологическом преобладании аналитической философии в западной философии в целом. Но аналитическая философия также находится на подъеме в германоязычных странах; и она добилась значительных успехов даже в тех местах, которые когда-то считались враждебными, таких как Франция.

Ключевые слова: Аналитическая философия, история аналитического движения, философская школа, библиография, Серл, Райл, Даммит, Рассел, Рорти, Виттгенштейн, Глок.

The Owl of Minerva: Is Analytic Philosophy Moribund?

Hans-Johann Glock

Professor of Philosophy, Head of Department at the University of Zurich
glock@philos.uzh.ch

Abstract: By common though not universal consent, analytic philosophy is a little over one hundred years old. Its current state seems to be characterized by a combination of triumph and crisis. On the one hand, it is now the dominant force within Western philosophy. It has prevailed for several decades in the English-speaking world. And due to brute institutional facts, especially the numerical strength of American philosophers and philosophical publications compared to philosophers and publications elsewhere, this amounts to a sociological predominance within Western philosophy. But analytic philosophy is also in the ascendancy in Germanophone countries; and it has made significant inroads even in places once regarded as hostile, such as France.

Keywords: Analytic Philosophy, History of Analytic Movement, philosophical school, bibliography, Searle, Ryle, Dummett, Russel, Rorty, Wittgenstein, Glock.

© Н.-Ж. Глок (Цюрих). glock@philos.uzh.ch. Южный федеральный университет.
Южный Полюс 11 (1) (2024) DOI: 10.18522/2415-8682-2024-11-58-76

---

¹ Глок Г.-Й. Сова Минервы: умирает ли аналитическая философия? // The Historical Turn in Analytic Philosophy. Ed. by Erich H. Reck. L.: Palgrave Macmillan. 2013. P. 326 – 348. Перевод К.Д. Скрипника.

Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек [1].

Г.В.Ф. Гегель, Философия права. (пер. с нем.: Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной)

Триумф и кризис. По общему, хотя и не всеобщему согласию, аналитической философии немногим более ста лет. Ее нынешнее состояние, по-видимому, характеризуется сочетанием триумфа и кризиса. С одной стороны, в настоящее время это доминирующая сила в западной философии [2, с. 1-2], [3, с. 3, 7–8]. Она преобладала в течение нескольких десятилетий в англоязычном мире. И благодаря грубым институциональным фактам, особенно численному составу американских философов и философских публикаций по сравнению с философами и публикациями в других странах, это равносильно социологическому преобладанию в западной философии [4]. Но аналитическая философия также доминирует в германоязычных странах; и она добилась значительных успехов даже в тех местах, которые когда-то считались враждебными, таких как Франция.

Аналитическая философия в настоящее время процветает в Германии, Австрии и Швейцарии, будучи реимпортированной после вызванного политическими причинами исхода после 1933 года. Хотя некоторым практикующим все еще нравится думать о себе как о преследуемом меньшинстве, аналитическая философия — это, без тени сомнения, растущая отрасль и самое мощное отдельное движение. Развитие аналитической философии во Франции было более медленным и болезненным процессом, но даже во Франции аналитическая философия в настоящее время является самым быстрорастущим движением. Более того, не случайно, что некоторые из наиболее энергичных сторонников аналитической философии и противников континентальной альтернативы, такие как Жак Бувересс [5] и Паскаль Энгель, являются французами [6]. Аналогичная ситуация в Италии, Испании и многих странах Восточной Европы¹.

Аналитическая философия — это не просто самое важное современное философское движение в институциональном и численном плане. Оно служит также ориентиром для других. Аналитические позиции по любому данному вопросу — это те, которые другие не могут позволить себе игнорировать. Большинство феноменологов, герменевтиков, критических теоретиков и деконструктивистов придерживаются точки зрения не только на аналитическую философию в целом, но и на аналитические теории в своей области, даже если эта точка зрения иногда может показаться коллегам-аналитикам неосведомленной, предвзятой или слегка устаревшей. Напротив, немногие философы-аналитики молодого

---

¹ Зонтичная организация, Европейское общество аналитической философии, или ESAP, была основана в 1991 году. Ее веб-сайт <http://www.dif.unige.it/esap> содержит ссылки на центральноевропейское, хорватское, французское, немецкое, итальянское, португальское и испанское общества аналитической философии. ESAP также регулярно организует крупные конференции.

поколения ощущают какую-либо потребность иметь представление о неаналитических доктринах.

В то же время постоянно ходят слухи о «кончине» аналитической философии, о том, что она «перестала существовать» или, по крайней мере, находится в «кризисе», и жалобы на ее «широко воспринимаемые недуги» [7, с. 1, 12; 8, с. xi; 9, с. 445-447, 463-464; 3, часть 1]. Ощущение кризиса ощутимо не только среди комментаторов, но и среди некоторых ведущих действующих лиц. Фон Вригт отметил, что в ходе выпуска, превратившись из революционного движения в философский истеблишмент, аналитическая философия также стала настолько разнообразной, что утратила свой отличительный профиль [10, с. 25]. Эту точку зрения разделяют бесчисленные наблюдатели, которые считают, что обычное различие между аналитической и континентальной философией устарело (например, [11], [12], [13]).

Потеря идентичности — это одна общая проблема; потеря энергии — другая. Патнэм неоднократно призывал к «оживлению, обновлению» аналитической философии (например, [14, с. ix]). И Хинтиikka утверждал, что «выживание аналитической философии» зависит от того, чтобы начать все сначала практически во всех областях философских исследований [15]. Серль — один из самых стойких и бескомпромиссных сторонников аналитической философии. Тем не менее, даже он признает, что при переходе от «точки зрения революционного меньшинства» к «общепринятой точке зрения истеблишмента» аналитическая философия «утратила часть своей жизнеспособности» [2, с. 23]. Неудивительно, что те, кто более скептически относится к аналитической философии, уже некоторое время ожидают ее замены «постаналитической философией» [16; 17, с. 6; 18].

Наконец, аналитическая философия претерпела исторический или ретроспективный поворот. Среди ее практиков в настоящее время наблюдается широкий интерес к истории философия в целом и истории аналитической философии, в частности. И для некоторых ученых мужей этот поворот к прошлому сам по себе является неотъемлемой частью упадка аналитической философии.

Но, возможно, похоронные речи поспешны. В конце концов, несмотря на многочисленные полуночные похороны, нет никаких сомнений в том, что нечто, называемое «аналитической философией», торжествует на мировом академическом рынке за счет других направлений в западной философии. Таким образом, оставшаяся часть этой главы будет посвящена следующим вопросам: перестала ли аналитическая философия быть самостоятельным и потенциально динамичным движением? Является ли исторический поворот проявлением или, возможно, даже фактором, способствующим ее упадку? Находится ли аналитическая философия в процессе замены «постаналитической» философией? Должна ли аналитическая философия быть вытеснена таким движением? Я дам предварительный ответ «нет» на все эти вопросы.

Смерть от историографии? В то время как аналитическая философия в целом, по общему мнению, находится в кризисе, некоторые направления, бесспорно, процветают. Одним из них является история философии. Это должно вызывать удивление, по крайней мере на первый взгляд. Обвинение в том, что аналитической философии не хватает исторической осведомленности, объединяет двух ее главных соперников в современной

западной философии: континентальную и традиционалистскую философию [19, с. 89]². Но пренебрежение аналитической философией к историческим проблемам – это не просто зачаток критики [21], на него указывают также как на одну из отличительных черт аналитической философии [22; 23, с.73-74; 6, с. 184-196]. Действительно, некоторые ведущие сторонники аналитической философии рассматривали его как характеристику того вида философии, который они считали правильным, независимо от того, предпочитали ли они называть последнюю аналитической или «научной» (термин, дорогой логическим позитивистам и Куайну). Таким образом, Куайну приписывают остроуту: «Есть два типа людей, интересующихся философией: те, кто интересуется философией, и те, кто интересуется историей философии» [23, с. 39-40]. И Уильямс сообщает: «в одном престижном американском департаменте у высокопоставленного деятеля на двери висело объявление с надписью «Просто скажи нет истории философии» [24, с. 18]. Преступником оказался Гилберт Харман [25, с. 43]. В равной степени это мог быть Фодор, который хвастался своим «незнанием истории философии» и своей способностью написать «книгу о Юме, фактически ничего о нем не зная» [26, с. 1]. Более того, широко распространено мнение, что высокомерное отношение к прошлому нашего предмета является частью самооценки современных англо-американских аспирантов, пытающихся создать видимость «профессионализма», особенно в технических областях, таких как метафизика, философия сознания и философия языка (см. [27, с. 4; 28; 29]).

В этом вопросе наблюдается даже сближение между современным мейнстримом (будь то натуралисты или модальные метафизики) и Витгенштейном. Витгенштейн признался:

Как бы мало философии я ни читал, я определенно прочитал не слишком мало, скорее слишком много. Я замечаю это всякий раз, когда читаю философскую книгу: это нисколько не улучшает мои мысли, а делает их хуже. (Рукопись 135: 27.7.47; цит. по [30, с. 495]).

Более того, согласно Райлу, Витгенштейн «не только должным образом отличал философские проблемы от экзегетических, но и, что менее правильно, создавал впечатление, во-первых, что он сам гордился тем, что не изучал других философов – что он и сделал, хотя и не так уж много, – и, во-вторых, что он думал, что люди, которые их изучали, были академическими и, следовательно, неаутентичными философами, что часто, но не всегда было правдой» [31, с. 10-11].

В то же время такая «историофобия» не является универсальной чертой аналитической философии и, следовательно, не может служить ни определяющей чертой, ни основанием для огульных обвинений (см. [32]). Многие философы-аналитики претендовали на философскую мантию мыслителей прошлого. Лейбниц снабдил Рассела вдохновляющей идеей о том, что «всякая здравая философия начинается с логического анализа» [33, с. 8]. Айер описал логический позитивизм как «логический результат эмпиризма Беркли и Дэвида Юма» стремился обнажить исторические корни как аналитического движения, так и спекулятивной философии, которую оно стремилось заменить [34, с. 41; 35]. Даже аналитики, которые официально враждебно относятся к истории философии, иногда поддавались тому, что, показательным стало известно как

---

²Я привожу различие между традиционной, традиционалистской и континентальной философией в Glock, 2008 [19, с. 85-89], см. также [20].

«прекурсоризм». Например, Куайн занимался историческими вопросами, обсуждая онтологическое развитие Рассела, а также истоки лингвистического поворота и контекстуализма [36, главы 7-8].

Действительно, примерно с 1960-х годов наблюдается всплеск аналитической работы по истории философии, что побудило фон Вригта говорить о «ретроспективном повороте» [10, с. 47] (см. также [37, с. 454; 38, с. 61]). Аналитический интерес к прошлому всегда включал древнегреческую философию, к которой философы-аналитики чувствовали сильную близость, хотя их подход был осужден как анахроничный [39]. Но он, ни в коем случае не ограничивался ею и теперь распространяется на все периоды. Так, Энтони Кенни только что завершил четырехтомную историю всей западной философии. Она столь же ясна по стилю и аналитична по своему подходу, как знаменитая «История западной философии» Рассела, в то же время превосходя последнюю с точки зрения текстологической и исторической учености, не говоря уже о беспристрастности суждений [40].

Приближаясь к современности и к теме этого сборника, философы-аналитики в последнее время начали проявлять живой интерес к истории самой аналитической философии. В этом были заслуживающие внимания предшественники, например, *Philosophical Analysis: Its Development between the Wars* Дж.О. Урмсона 1956 года [41], а также соответствующие части *Development of Logic* Уильяма и Марты Нил 1962 года [42] и *A Hundred Years of Philosophy* Джона Пассмора 1966 года [43]³. Но непосредственные источники этой растущей академической области находятся в другом месте. В 1970-х годах Майкл Даммит открыл дискуссию об исторических истоках аналитической философии своим заявлением о том, что она является «постфрегианской философией» и что она основана на убеждении, что философия языка является основой философии в целом. Влиятельная работа Даммита *Origins of Analytical Philosophy* повествует скорее об «истории мысли» – о пропозициях и аргументах, стоящих в абстрактных отношениях поддержки или конфликта, – чем об «истории мыслителей» [44, глава 1]. Его утверждения и методы впоследствии были тщательно изучены более исторически мыслящими комментаторами, многие из которых базировались в США, спровоцированными как вышеупомянутой историофобией, так и тем, что они считали доксографическим и анахроничным подходами к прошлому, эти философы-аналитики начали сожалеть об отсутствии у аналитической философии исторического самосознания (см., например, [45, с. 2; 46, с. ix; 47, с. vii]).

Последние двадцать лет существенно ослабили силу таких жалоб. Существует непрерывный поток все более исторических работ об отдельных гигантах аналитической философии (выдающихся среди них Griffin [48], Hylton [47], Weiner [49]). Более того, было проведено несколько исторических обзоров аналитической философии (Coffa [50], Skorupski [51], Hacker [52], Stroll [53], Baldwin [54], Soames [55]), подробные трактаты по более конкретным аспектам его разработки (например, Stadler [56], Hanna [57]) и по меньшей мере восемь сборников эссе по истории и историографии аналитической философии (Bell and Cooper [58], Monk and Palmer [59], Glock [60], Tait [61], Biletzki and Matar [8], Reck [62], Beaney [63], см. также Sorell and Rogers [64]). В результате этой бурной деятельности история аналитической философии в настоящее время является признанной областью изучения и специализации [65; 3, с. 28-30]. Более того, начиная с Даммита, исторические вопросы были тесно связаны с вопросом о том, что такое аналитическая философия, и со страстной борьбой за душу и будущее аналитической философии⁴.

---

³ В некотором отношении история логики была первопроходцем в истории аналитической философии.

⁴ Метафилософский вопрос о том, чем является или должна быть аналитическая философия, также возродился независимо от исторических и историографических проблем, особенно в трехстороннем столкновении между куайновским натурализмом, крипкеанской метафизикой и недавно возрожденным концептуальным анализом (см. [66], [67]).

Если Гегель прав, и (историческое) самосознание является признаком окончательного упадка, аналитическая философия должна умереть. И некоторые комментаторы действительно интерпретировали исторический или ретроспективный поворот таким образом [3, с. 28-30]. Итак, смерть от исторического самосознания является, может быть, неплохим способом ухода. И все же, какова именно предполагаемая связь между таким самосознанием и упадком философского движения? Исторический поворот может быть симптомом кризиса аналитической философии, или он может быть причиной этого кризиса, или это может быть и то, и другое.

Обращаясь к первой возможности, философы-аналитики, по большому счету, отказались от прежних обещаний предоставить окончательные решения или разрешения всех философских проблем, или предоставления канонических методов, которые гарантировали бы философский прогресс. Хуже того, схоластические, фракционистские, догматические и исключаяющие тенденции современной аналитической философии дают основания подозревать, что мы миновали героический век аналитической философии (см., например, Glock [19, с. 242-255], Hacker [29]). Заимствуя различие из истории архитектуры, существует реальная опасность того, что аналитическая философия исчерпала свою способность к структурному прогрессу и способна прогрессировать только в отношении приукрашивания. Это может помочь объяснить, почему все большее число начинающих философов-аналитиков переключаются с предметных проблем на исторические. Ибо, по иронии судьбы, последние на самом деле могут обеспечить лучшие перспективы для нового старта. В этом отношении поворот к ретроспективе может показаться симптоматичным проявлением застоя или упадка в том, что касается философской субстанции.

В то же время такое перенаправление аналитических усилий само по себе может представлять собой прогресс иного рода. Питер Хакер сообщает:

Поразительно, что пессимист по поводу будущего аналитической философии Георг-Хенрик фон Вригт предсказал, что, возможно, все, что в конечном итоге даст аналитическая философия, — это гораздо большая адекватность в обращении с великими философиями прошлого. Я надеюсь, что он был чрезмерно пессимистичен. Но он, безусловно, был прав в том, что инструменты, разработанные в аналитической традиции, нашли плодотворное применение при изучении истории философии [29, с. 7].

Я разделяю мнение, что аналитический подход к истории нашего предмета способствует как улучшению философии, так и истории в целом. Эта идея лежит в основе многочисленных текущих исследований, включая журнал «Logical Analysis and History of Philosophy». Более того, поскольку понимание истории философии либо необходимо, либо, во всяком случае, полезно для решения существенных вопросов, исторический поворот, по крайней мере, обещает возобновление существенного прогресса⁵. Заметим, однако, что многие выдающиеся историки, вышедшие из аналитической традиции, включая Кенни, фон Вригта и Хакера, внесли интеллектуальный вклад за пределами господствующей аналитической философии, и что это может помочь объяснить их превосходство ученостью и более глубокое понимание истории.

---

⁵ См. Глок [32, с. 884-393]. В данном случае предпочтение отдается более умеренному из этих двух вариантов. Аргументацию в пользу того, что история, в конечном счете, необходима для философии, см. у Альвареса [68].

Обращаясь ко второй возможности, историческое самосознание можно рассматривать как фактор, способствующий кризису аналитической философии, поскольку оно может подорвать ее чувство идентичности. С точки зрения истории мысли а-ля Даммит, идея о том, что все и только философы-аналитики разделяют определенную доктрину, тему, метод или стиль, может показаться правдоподобной. Однако возникает иная картина, как только мы взглянем на мелкий подробности (или не очень мелкие подробности и условия) и отбросим анахроничную озабоченность теми особенностями, которые кажутся нам важными с нашей нынешней точки зрения. Мы не просто обнаружим, что современная аналитическая философия является очень широким действительно, «храмом», но с самого начала всегда существовало существенное разнообразие даже по важнейшим с метафилософской точки зрения вопросам доктрины, методологии и стиля. Например, среди Фреге, Мура, раннего и среднего Рассела и TLP нет единого мнения о философской роли языка [19, глава 5.1].

В то же время, хотя знание истории аналитической философии может иметь социальные недостатки, например, для репутации корпуса аналитических философов, оно не может иметь интеллектуальных недостатков. Неисследованное философское движение не стоит того, чтобы в нем участвовать. Таким образом, Бини пишет:

Появление истории аналитической философии как признанной области в рамках более широкой дисциплины философии является признаком более зрелых метафилософских взглядов [69, с. 8].

Бини, вероятно, был бы рад добавить, что это также является основным фактором, способствующим такой зрелости. Если простое представление аналитической философии о себе исторически неустойчиво, тогда следует искать более изощренное. Например, можно рассматривать «аналитическую философию» как понятие семейного сходства или как историческую, выделяющую генетическую категорию. Или можно утверждать, что аналитическая философия — это традиция, объединяемая как историческими отношениями влияния, так и перекрывающимися сходствами [21, с. 2-3].

Все еще самостоятельное движение? И все же, не может ли при ближайшем рассмотрении оказаться, что аналитическая философия просто больше не является самостоятельным философским движением? На мой взгляд, остаются веские аргументы *prima facie* в пользу идеи о том, что аналитическая философия представляет собой самостоятельный философский феномен.

В то время, когда наметился контраст между аналитикой и континентализмом, Р. М. Хэйр утверждал, что в настоящее время изучается философия «двумя различными способами», способами, относительно которых «можно было бы простить за то, что они думают... на самом деле это два совершенно разных предмета» [70, с. 107]. Совсем недавно Даммит заметил, что «абсурдная пропасть открывалась раньше между «Англо-американской» и «континентальной» философией»; действительно, «мы достигли точки, когда кажется, что мы работаем в разных областях» [44, с. xi, 193].

В то же время за последние десять лет бесчисленное множество наблюдателей из самых разных философских и географических кругов настаивали на том, что обычное различие между аналитической и континентальной философией устарело. Таким образом, Питер Бьери предложил следующий изнурительный эксперимент. В течение целого месяца читайте «*Journal of Philosophy*» по утрам, а затем Сенеку, Монтеня, Ницше, Цезаре Павезе и Фернандо Пессоа во второй половине дня [13, с. 334]. Слегка изменив установку Бьери и сделав ее еще более садистской, посвятите дневные занятия Плотину, Вико, Хаману,

Шеллингу и Гегелю или Хайдеггеру, Деррида, Иригарей, Делезу и Кристевой. Мысленный эксперимент Бьери проясняет ситуацию. Тем не менее, он указывает в направлении, прямо противоположном выводу, который он поддерживает.

Согласно Бьери, различие между аналитической и континентальной философией является «просто досадной помехой», с которой нельзя мириться [13, с. 343]. Напротив, я думаю, что из предложенных сопоставлений вытекают три следующие вещи: во-первых, существует, по крайней мере, некоторое совпадение в отношении проблем, рассматриваемых во всех этих работах; во-вторых, по крайней мере, некоторые из этих проблем являются философскими по общепринятым стандартам; в-третьих, то, что происходит на страницах «Journal of Philosophy», является особой интеллектуальной деятельностью, которая отличается от деятельности (которая сама по себе разнообразна), которой занимаются другие деятели.

Поэтому неудивительно, что ярлыки «аналитическая» и «континентальная философия» продолжают широко использоваться. Это справедливо даже тогда, когда предлагается, что это различие не является жестким и однозначным. Например, в рецензиях часто можно прочесть не только о том, что книга или автор типичны либо для аналитического, либо для континентального движения, но и о том, что X необычайно чувствителен или непредубежден «для философа-аналитика» или что Y нехарактерно ясен или убедителен «для континентального мыслителя». Различие между аналитическим и континентальным окрашивает философское восприятие даже среди тех, кто не считает его абсолютным; действительно, на него часто волей-неволей ссылаются даже те, кто официально выступает против. В более общем плане нельзя отрицать тот факт, что идея отдельной аналитической философии продолжает формировать институциональную практику философии, будь то через различные журналы, учебники, общества, объявления о приеме на работу или институты [3, глава 1].

Знаменитый «плюралистический бунт» в Американской философской ассоциации (АРА) 1978 года противопоставил доминирующий аналитический мейнстрим неаналитическим философам различных убеждений. Бунт, возможно, привел к *modus vivendi* между этими фракциями внутри АПА, однако это не преодолело интеллектуальных и академических разногласий между ними. Что касается более личного, то после моего переезда в Швейцарию в 2006 году мне с болью напомнили об определенных академических передовицах, которые я надеялся оставить позади, уехав из Германии в Великобританию в 1986 году. В глазах культурного истеблишмента, многих коллег из гуманитарных наук и многих студентов аналитическая философия продолжает представлять собой прискорбное «англосаксонское» отклонение от подлинной философии, будь то традиционалистская или континентальная. Увы, во многих кругах значение имеют, например, не качество кандидата и не его область деятельности, а то, какого стиля философии он придерживается.

Если говорить о более оптимистичной ноте, то даже в настоящее время остается распространенным и весьма полезным объяснять студентам, что определенный факультет, курс или отдельный человек ориентирован на аналитику. Термин «аналитическая философия» не используется в повседневной жизни. Но у него есть стандартное применение, не только в академических кругах, но и среди более широкой образованной публики⁶. Фактически, то, что Грайс и Стросон указали относительно терминов «аналитический» и «синтетический», в равной степени относится и к термину «аналитическая философия» [72]. Хотя нам может не хватать четкого и убедительного объяснения, мы в целом согласны с нашим применением этих терминов.

Безусловно, даже самые устоявшиеся и четко очерченные философские таксономии подвержены неправильному использованию. Но в этом отношении «аналитическая

---

⁶ О разнице между повседневным и стандартным использованием [71, с. 301-304].

философия» ничем не хуже более почтенных ярлыков. Хотя иногда встречаются неправильные применения, они общепризнаны. Рассмотрим следующий, предположительно риторический, вопрос из циркуляра Continuum International Publishing Group (21 октября 2003 г.):

Интересуетесь ли вы континентальной философией Жюль Делеза или Теодора Адорно или философией аналитической традиции, такой как Фридрих Ницше или Мэри Уорнок?

Никаких наград за обнаружение ошибки. Таким образом, очевидно, что это противоречило бы определению аналитической философии, если бы подразумевало, что Хайдеггер и Лакан являются философами-аналитиками, в то время как Карнап и Остин таковыми не являются. Это также противоречило бы определению, если бы подразумевало, что Рассел и Куайн являются философами-аналитиками, в то время как Фреге и Гемпель ими не являются. Более того, мы согласны не только в том, каковы очевидные случаи. Мы также склонны соглашаться с тем, что по разным причинам считается пограничными случаями, например, Больцано, Уайтхед, более поздние Витгенштейн, Поппер, Фейерабенд и нейрофилософы⁷. Наконец, соглашение не распространяется на список, но может быть распространено на открытый класс новых случаев. Например, ознакомление с резюме позволит большинству профессионалов идентифицировать четких аналитиков и континентальных философов из списка соискателей работы.

Чисто социологический феномен? Современная аналитическая философия, несомненно, является очень разнообразным и плюралистическим явлением. Действительно, в чем заключается аналитическая философия? Я подробно доказывал, что не существует адекватного аналитического определения «аналитической философии» в том виде, в каком оно обычно используется. Не существует тем, доктрин, методов или даже стилей, разделяемых всеми, и только теми, кто общепризнан как философы-аналитики ([19], см. также [73, с. 425-436]).

По крайней мере, что касается доктрин, аналогичная точка зрения была выдвинута Аароном Престоном [9], [3], [74]. Но мы расходимся во мнениях по поводу одного из центральных тезисов. Если я правильно его понимаю, Престон считает, что аналитическая философия как социологическое движение обязана своим существованием иллюзорной идее ее сторонников, а именно, что все они придерживались «лингвистического тезиса» о том, что надлежащая работа философии заключается в анализе языка [3, с. 2-3, 80-82]. Вместо этого я отличаю расцвет аналитической философии через фигуры Фреге, Рассела и Мура от ее лингвистического поворота, осуществленного руками Витгенштейна и логических позитивистов. И бесспорно, что, хотя Мур и ранний Рассел и продвигали концептуальный и логический анализ, они явно отвергали предположение о том, что они анализировали слова или предложения. Таким образом, они определенно не тешили себя иллюзиями, которые ставит Престон, как и Нейрат, не говоря уже о бесчисленных аналитических метафизиках и специалистах по этике, по крайней мере, с 1960-х годов [19, с. 128-134]. Что касается текущего момента, то и Престон, и я попытались прояснить вопрос о том, представляет ли аналитическая философия (все еще) отдельный феномен, путем различения различных возможных таксономий, которые можно было бы применить к ней. Таким образом, я провожу различие между тесно сплоченной философской школой и более свободными группировками, такими как движения или традиции. Аналитическая философия включала школы, подобные древним философским школам, например, Венский кружок, канберрские планы, группы, которые официально объединены или были

---

⁷ К этому списку Маркони [20] добавляет Чарльза Моррса, К.И. Льюиса, Стэнли Кэвелла и Акселя Хоннет. Я в восторге от всех этих дополнений, кроме последнего.

объединены общими символами веры. Но аналитическая философия сама по себе является гораздо более свободным явлением, философским движением. На самом деле, из-за его несмотря на долголетие нескольких поколений, аналитическая философия приравнивается к традиции [19, с. 151-152, 220-221].

Престон признает, что это законное определение «школы». В то же время он указывает, что существует и другое значение термина «школа», используемого в философском дискурсе. «Школа мысли» определяется «идейными структурами (концепциями, пропозициями, аргументами, теориями)», а не историческими связями. И даже в случае «социально-исторически воплощенной школы мысли» личная передача идей, согласно Престону, менее фундаментальна, нежели общий «образ мышления» [74]. Мне кажется, что как общие идеи, так и исторические связи должны быть необходимыми условиями для членства в такой воплощенной школе. В противном случае, зачем отличать это понятие от концепции упрощенной школы мысли? Однако основное яблоко раздора лежит в другом. Для Престона «аналитическая философия» не является законным таксоном, если только она не представляет собой социально-исторически воплощенную школу мысли. И далее он настаивает на том, что последнее требует большего, чем просто обмена набором методов, а именно обмена набором доктрин или «взглядов». В отсутствие доктринального консенсуса аналитическая философия может быть лишь «социальным феноменом», а не подлинно философским ([74], ср. [19, с. 151-153]).

Этот вердикт предполагает, что только доктрины или взгляды, но не методы, могут считаться подлинно интеллектуальными – логическими, философскими – а не «просто социальными» явлениями. Это предположение ошибочно. От Сократа до Канта и по настоящее время многие философы чувствовали, что именно проблемы и методы выделяют философию как рациональное предприятие, а не как разделяемые догматы веры. В случае аналитической философии акцент на методах, а не на доктринах, особенно заметен. Многие практики прошлого и настоящего заявляли, что аналитическое движение превосходит другие способы философствования именно из-за того, как оно решает философские проблемы, а не из-за конкретных философских взглядов.

Рассел пропагандировал научный метод в философии, а не отдельные философские взгляды. (Как он мог, учитывая его общеизвестную частую смену взглядов?) И он превозносил метод анализа. Таким образом, он аподиктически утверждал, что «всякая здравая философия начинается с логического анализа» и что это осознание представляет собой «такой же прогресс, какой был привнесен в физику Галилеем» [33, с.8], [75, с. 14, см. также с. 68-69]. Оглядываясь назад, он писал:

С тех пор, как я отказался от философии Канта и Гегеля, я стремился решения философских проблем посредством анализа; и я по-прежнему твердо убежден, несмотря на некоторые современные тенденции к противоположному, что прогресс возможен только путем анализа [76, с. 11].

Согласно Муру, «трудности и разногласия», которые преследуют философию, обусловлены главным образом

попыткой ответить на вопросы, не выяснив предварительно, на какой именно вопрос вы хотите ответить. ... [философы] постоянно пытаются доказать, что «Да» или «Нет» ответят на вопросы, на которые ни один из ответов не является правильным [77, с. vi].

Эта влиятельная – хотя в настоящее время и недооцененная – тактика постановки вопроса пытается скорее прояснить, чем ответить на вопросы, которые приводят к ошибочным философским альтернативам. В нем методу – концептуальному прояснению – отводится более фундаментальная роль, чем конкретным доктринальным ответам на вопросы.

Витгенштейн пошел на шаг дальше. По его словам, просто не существует законных философских доктрин или взглядов. Философские проблемы основаны на непонимании и, следовательно, скорее требуют разрешения (растворения, *dissolutions*), нежели ответов. Важен исключительно метод анализа и разъяснения. Витгенштейн заявил, что его «новый метод» философствования представляет собой «излом» в «развитии человеческой мысли», сравнимый с революцией Галилея в науке. И он настаивал на том, что в его работе важны не конкретные результаты, а новый способ философствования, метод или умение, которые позволят нам постоять за себя ([78, аф. 4.003, 4.1272, 6.53], [79, с. 206, и разделы 126-128], [80, с. 113-114], см. [81, с. 258-264, 292-299]).

Манифест Венского кружка – еще один основополагающий документ аналитической философии. Он был назван «Научная Концепция мира» (*Wissenschaftliche Weltauffassung*). Но в нем недвусмысленно говорится, что «научная концепция мира характеризуется не столько собственными тезисами, сколько базовым подходом, его точками зрения и направлением исследований». «Именно метод логического анализа существенно отличает современный эмпиризм и позитивизм от более ранних версия» [82, с. 305]. Образ, спроецированный Венским кружком, представлял собой общий канон рациональных методов, с помощью которых можно было бы урегулировать доктринальные разногласия – различия в философских взглядах.

Герберт Фейгл однажды подытожил этот методологический этос, сказав, что философская традиция, которую он представлял, вращалась вокруг двух скромных вопросов: «Что вы имеете в виду?» и «Откуда вы знаете?» [83, с. 409], [84]. Наконец, многие современники, отказавшиеся от ранних обещаний аналитической философии обеспечить долговременные и окончательные решения философских проблем, тем не менее, лелеют более скромный идеал: для аналитической философии важна ценность процесса, а не долговечность результата (например, [85], [86]).

Конечно, обычно предполагается, что философские методы дают философские взгляды – хотя и не Витгенштейном и его последователями. И я бы согласился, что философские методы предполагают определенные взгляды. Но философские взгляды также требуют методов для их генерации. Действительно, взгляды, которые являются просто случайными, а не результатом применения того или иного метода, не могут составлять доктрину. Таким образом, зависимость взглядов от методов, по крайней мере, столь же выражена, как зависимость методов от взглядов. Следовательно, эта взаимозависимость никоим образом не способствует определению философского движения через определенные взгляды, а не через определенные методы.

Того факта, что подлинное философское движение может вращаться вокруг метода или стиля, тем не менее недостаточно для реабилитации понятия аналитической философии против анимадверсий Престона. Ибо даже метод анализа или стремление к ясности и аргументации не могут быть использованы для определения аналитической философии, по крайней мере, так я утверждал. На мой взгляд, общепризнанное расширение «аналитической философии» определяется как семейством пересекающихся идеологических особенностей (доктринальных, методологических и стилистических), так и историческими связями влияния. В силу последнего аналитическая философия действительно не является чисто интеллектуальной или философской категорией; она имеет социально-историческое измерение. Но, конечно, из этого не следует, что это понятие является незаконным или ложным. Более того, из этого даже не следует, что оно бесполезно для целей философии. В конце концов, история философии интересуется не

только такими школами мысли, как рационализм, но и воплощенными традициями, такими как античные школы, схоластика, континентальный рационализм, британский эмпиризм или неокантианство. Излишне говорить, что точная идентичность и контуры таких воплощенных школ оспариваются учеными. Однако это лишь показывает, что ситуация с аналитической философией принципиально не отличается от ситуации с другими признанными философскими школами.

Однако из этого следует один момент, и он может быть основным источником скептицизма Престона как по поводу существования, так и по поводу легитимности аналитической философии [3, с. 9-17]. Ярлык не может обладать каким-либо прямым аргументативным, оценочным или нормативным весом. Никто не может законно защищать или опровергать, хвалить или осуждать метод, точку зрения, работу или философа, просто констатируя, является он аналитиком или нет. Следует признать, что некоторые сторонники аналитической философии использовали его в качестве почетного титула, но такому использованию философских таксономий в целом и «аналитической философии» в частности можно противостоять, и этому сопротивлялись, не в последнюю очередь, путем использования аналитических инструментов [19, с. 4-9, 205-212].

Становясь пост-аналитической? Давайте предположим, хотя бы ради аргументации, что в настоящее время аналитическая философия все еще является отдельным явлением и что полезно отличать аналитическую философию от неаналитической. Даже в этом случае возникают два вопроса: сохранит ли аналитическая философия отдельную идентичность в обозримом будущем? И должна ли аналитическая философия сохранять такую идентичность? Что касается первого вопроса, одно неоспоримо. С течением времени историческая традиция аналитической философии будет продолжать становиться еще более раздробленной. Генетическое древо разрослось таким количеством ветвей, что интеллектуальная дистанция между некоторыми из них может быть настолько велика, что их генетическая связь становится все менее и менее значимой для определения того, с какой философией мы имеем дело ([20], см. также [29]). С другой стороны, с достаточной временной дистанции эти растущие различия также могут казаться менее значимыми. Современные философы, как правило, гораздо более живо воспринимают различия, разделяющие различных представителей скажем, континентального рационализма, с одной стороны, и британского эмпиризма – с другой. Тем не менее, это не уменьшило их желания группировать их вместе.

По необходимости, будущее развитие аналитической традиции остается предметом спекуляций. Более того, это будущее будет зависеть не только от философских или интеллектуальных разработок, но и от более широких культурных, политических, социологических факторов. Как насчет нормативного вопроса? В нынешних дебатах этот нормативный вопрос не отделен резко от вопроса о том, как лучше всего описать статус-кво. В одном углу мы находим комментаторов, упомянутых в начале главы. Среди них такой пионер аналитической философии, как фон Вригт, который беспокоится, что она умирает на месте, потому что утратила свою самобытность.

Против этого выступают те с обеих сторон, кто считает такое наведение мостов бессмысленным или, возможно, даже вызывающим зависть. В этом углу мы находим многих континентальных философов, в частности Рорти, который считает, что аналитический/континентальный разрыв стал, возможно, постоянным, но в равной степени безвредным элементом западной философии ([87, гл. 12], аналогично [88, с. 474]). Мы также находим (возможно удивительно) среди них Бернарда Уильямса. Он утверждает, что аналитическая философия преодолела некоторые из своих «прежних ограничений», а что касается политической философии, то он отрицает, что «реформа изменила или изменит ее до неузнаваемости». Более того, хотя аналитическая философия не имеет «определенных границ», даже при широком взгляде на ее сферу охвата она не совпадает с периодом философии [89, с. 167].

В отличие от фон Вригта, большинство из тех, кто ставит под сомнение сохраняющуюся жизнеспособность отдельной категории аналитической философии и разделения аналитическая/континентальная философия, считает, что это развитие является позитивным с философской точки зрения. Многие из них ссылаются на попытки, а некоторые из них внесли свой вклад в попытки наведения мостов между ними. Есть важные мыслители, которые искренне пытались синтезировать эти два понятия или, по крайней мере, быть посредниками между ними, такие как Феллесдал, Тугендхат, Дрейфус, Чарльз Тейлор, Кэвелл и Малхолл.

Показывает ли это, что барьеры, наконец, рушатся? Я думаю, что нет. Хотя эти различные обобщения отличаются друг от друга и интересны, справедливо сказать, что они не определили повестку дня ни с аналитической, ни с континентальной стороны. Они не произвели никакого сейсмического сдвига в сторону, вошедшей в поговорку золотой середины. Даже не ясно, к чему может привести эта золотая середина. Одной из возможностей является постаналитическая философия, то есть континентальная философия, представленная англоязычными комментаторами, которые ссылаются на аналитических мыслителей, таких как Витгенштейн, Куайн и Дэвидсон (например, Тейлор, Кэвелл и Малхолл). Другой возможностью является «постконтинентальная» философия, философия отступников от таких мыслителей, как Гегель, Гуссерль или Хайдеггер, которые включают континентальные темы или идеи в чисто аналитический способ философствования (например, Феллесдал и Тугендхат). К лучшему это или к худшему, но ни один из вариантов не выглядит как продолжение дела⁸. Даже если в сочетании они должны были сократить некоторые доктринальные разногласия, они кажутся неподходящими для преодоления постоянных методологических, стилистических и институциональных разногласий. Такого подвига можно было бы достичь путем общения между более знаковыми представителями обеих сторон. Но рассмотрим знаменитые прямые дебаты между аналитическими и континентальными философами. Полный список должен был бы включать следующее:

- Рецензия Райла на книгу Хайдеггера «Бытие и время»;
- Атака Карнапа на хайдеггеровское «Ничто ничтоствует»;
- встреча в Ройомоне в 1958 году между британскими и французскими философами;
- Атака Бар-Хиллеля на апроприацию Хабермасом к теории речевых актов;
- ссора между Серлем и Деррида из-за теории речевых актов Остина и предполагаемого повсеместного распространения письменности;
- протесты против почетной степени Деррида в Кембридже;
- последствия сокальской мистификации.

Заслуживают внимания два момента. Учитывая высокий уровень различий между аналитическими и континентальными философами, эти столкновения были редкими. Более того, я не вижу оснований надеяться, что даже сейчас эти столкновения могли бы быть решены более мирным путем, или что мы, во всяком случае, приблизились к их проведению более контролируемым и плодотворным образом. Например, несмотря на свою хваленую «аналитическую подготовку», недавние англоязычные защитники Хайдеггера по-прежнему не желают признавать некоторые важные моменты: статья Карнапа не просто опирается на верификационизм, в ней рассматриваются различные способы осмысления изречения Хайдеггера, и они отвергаются по заслуживающим внимания причинам. Они также, по видимому, считают, что предложение, встречающееся в философском трактате, не может

---

⁸ Это может быть симптомом этого развития, что «Центр пост-аналитической философии» в Саутгемптоне, основанный в 1997 году, был переименован в «Центр философия и ценности» в 2005 году [3, с. 166].

быть осуждено как бессмысленное просто потому, что этому сочетанию слов можно придать значение (на самом деле, любое значение, какое вам заблагорассудится), даже если при таком понимании предложение никоим образом не может обладать аргументативным весом, который ему необходим в его первоначальном контексте.

Или возьмем наиболее продолжительный спор между аналитиками и континентальными философами. Можно было бы поспорить о том, является ли ответ Серля [90] на критику Остина со стороны Деррида [91] резким, но справедливым (как мне кажется) или излишне резким. Но никто не спорит с тем фактом, что реакция Деррида сводится к полному отказу заниматься проблемами на рациональном уровне [92]. Вместо этого он состоит из неясных уклонений, воплей и лингвистических каламбуров. Деррида предполагает, что признание Серлем помощи в его ответе указывает на недостаток интеллектуальной ответственности и честности. И он опускается до того, что приписывает реакцию вымышленному «SARL» (Обществу ограниченной ответственности), Ограниченной корпорации или Обществу с ограниченной ответственностью.

Короче говоря, обмен мнениями между двумя лагерями скорее ухудшил ситуацию, чем улучшил. Если судить по прошлому опыту, то серьезное взаимодействие отношения между аналитической и континентальной философией приведут не к примирению, а к более выраженному отчуждению. Возможно, виноваты условия взаимодействия. Даммит недавно рекомендовал преодолеть разрыв между аналитиками и континенталами, основав журнал, в котором философ-аналитик пишет главу, за которой следует «континентальный» ответ, или наоборот. Я далек от уверенности в том, что эта процедура позволит преодолеть провал коммуникации, о котором справедливо сожалеет Даммит. Более вероятно, что результат был бы таким, как описал Маркони в последующем обсуждении статьи Даммита. Отвечая на континентальную главу, комментатор-аналитик разразился бы потоком вопросов: «Что вы имеете в виду под этим?», «Каково обоснование этого?» и «Как нам понять следующее?» Континентальный респондент, отвечающий на аналитическую статью, напротив, проигнорировал бы общую суть, выделил бы какую-нибудь крошечную деталь и пустился в комментарии об этимологических или исторических аспектах, окружающих эту деталь.

Если аналитический/континентальный контраст устареет, то это не потому, что мы перешли к новому и процветающему синтезу. Но, возможно, он будет вытеснен другими разделениями. Таким образом, было высказано предположение, что различие между аналитической философией и континентальной философией больше не актуально, и что реальная линия разлома в современной философии проходит между натуралистами и ненатуралистами. Более того, поразительно, что это предложение нашло поддержку.

Комментируя оксфордских философов-кантианцев вслед за Стросоном, такой натуралист-аналитик, как Папино, пишет:

... в англоязычной философии возникает новое и потенциально более плодотворное разделение. Вместо старого аналитико-континентального раскола мы теперь имеем противостояние между натуралистами и неокантианцами. Натуралисты обращаются к науке как к отправной точке для философии. Неокантианцы вместо этого начинают с сознания. Но, по крайней мере, обе стороны могут понять, что замышляет другая [93, с. 12].

Аналогичным образом, такой постаналитический ненатуралист, как Глендиннинг, пишет:

Возможно, доминирующим видом аналитической философии сегодня, по крайней мере в Америке, хотя и здесь она растет, является философский

натурализм. Это традиция, противоположная той, в которой я вижу себя, посткантианской традиции, которая не видит такой преемственности между философией и наукой. Для меня, и я думаю, для многих других, именно в этом сегодня заключаются самые фундаментальные проблемы и споры. И именно поэтому проблема разграничения аналитической философии от континентальной философия становится все менее и менее значимой, и от нее отказывается все больше и больше людей этой профессии [11, с. 214-215].

То, что получается, имеет точки соприкосновения с идеей Престона о том, что если бы аналитическая философия не определялась определенными доктринами, она не считалась бы надлежащим философским течением. Предложение таково: поскольку аналитическая философия больше не может определяться ссылкой на какие-либо доктрины, разделение между аналитиками и континентами должно быть заменено доктринальным различием, которое отмечает реальную линию разлома.

Хотя я и ценю причины, стоящие за этим предложением, я не считаю их подавляющими. Одно из моих сомнений возникает, когда я смотрю на конец цитаты Папино. Он придает большое значение тому факту, что противоборствующие стороны в философском споре, тем не менее, понимают друг друга. Что касается натуралистов и ненатуралистов в аналитической философии, он беспокоится: «Останутся ли они на связи, еще предстоит выяснить. Философская вовлеченность зависит от общего контекста базовых предположений или, по крайней мере, от готовности обсуждать моменты, лежащие в основе конфликта. Если *Reference and Consciousness* Джона Кэмпбелла - это все, на что можно опереться, перспективы продолжения диалога не радужные». Почему? Потому что «основные идеалы, которые структурируют общую аргументацию Кэмпбелла, покажутся чуждыми читателям-натуралистам, и он демонстрирует тревожное нежелание объяснять их этой более широкой аудитории». Оставляя в стороне этот конкретный случай, я могу посочувствовать такому типу разочарования, поскольку большая часть современной аналитической философии не так ясна, как могла и должна бы быть, и не справляется со своей обязанностью отчитываться за свои допущения. Однако, расставаясь с Папино, я чувствую, что неясность также поражает натуралистов, хотя, возможно, в меньшей степени, и что тенденция принимать их предположения просто как должное на самом деле поражает их в большей степени.

Что еще более важно, Папино прав, оценивая важность взаимного общения. И все же, несомненно, такое общение значительно проще между натуралистами и ненатуралистами, рассуждающими в аналитическом ключе, чем между философами-аналитиками любого направления и большинством их континентальных коллег. Если Папино действительно испытывает трудности с пониманием Кэмпбелла, он должен быть в полной растерянности, читая континентальных мыслителей, таких как Лакан, Делез или Гваттари.

Философия заключается не в том, чтобы разделять доктрины, а в том, чтобы вести рациональную и цивилизованную дискуссию даже о своих самых заветных предположениях. Такая дискуссия остается более легкой среди философов-аналитиков, чем между аналитическими и континентальными философами.

Переходим, наконец, к предписывающей, а не описательной метафилософии. Должны ли мы сознательно пытаться преодолеть оставшиеся барьеры, отделяющие аналитическую философию от континентальной и традиционалистской философии или от прагматизма, поскольку она представляет собой движение на том же уровне общности?

В качестве нового редактора журнала *Mind* Болдуин призвал не тратить энергию на «укрепление и патрулирование» границы между аналитической и континентальной философией, оставаясь при этом верным достоинствам «непредубежденной ясности и

строгости» [94]. Человек должен оставаться открытым для интересных идей с любой стороны, настаивая при этом на том, чтобы они были представлены таким образом, чтобы их можно было плодотворно обсудить. Этот совет, безусловно, уместен, хотя он должен быть бесспорным. Но может возникнуть соблазн пойти еще дальше. Не может ли оказаться, что существует преимущество философии, представляющей собой единое усилие, как это было в западной философии, по крайней мере, до начала двадцатого века (см. [95, с. 161])? Если философия лучше всего работает как целостная дисциплина или, по крайней мере, как единая область дискурса, то без фракций и коммуникативных барьеры, то головы должны биться друг о друга, независимо от того, обладает ли аналитическая философия или кто-то из ее соперников монополией на философскую мудрость.

В то же время для аналитической философии нет первостепенного интеллектуального императива менять курс исключительно для достижения сближения с другими философскими течениями, ассимиляции с другими интеллектуальными стилями или признания в других академических дисциплинах. Хотя восстановление философии как единой сферы дискурса может быть выгодным, это не должно идти в ущерб за счет строгости, ясности, учености и интеллектуальной честности. Соответственно, не следует стремиться ни к разделению, ни к синтезу ради них самих, а просто ради философского качества. Что нужно аналитической сцене, так это не преднамеренный переход к континентальному, традиционалистскому или прагматистскому образу мышления, а аналитическая философия в другом ключе: привлекательная и вовлеченная вместо схоластической и изоляционистской, коллегиальная, недогматичная и непредубежденная вместо фракционной и исключительной.

По крайней мере, в одном отношении могут быть основания для оптимизма. Многие комментаторы, включая меня, жаловались на то, что аналитическая философия изолирована и не может взаимодействовать с более широкой общественностью [19, с. 247-248]. Однако, как указал Хейлз, по крайней мере, в США на самом деле предпринимались значительные попытки устранить эту слабость, некоторые из них были успешными [96]. Даже если эта тенденция сохранится, она сама по себе не разожжет пламя аналитической философии как очага оригинальных философских инноваций. Но аналитическая философия могла бы поступить хуже, чем серьезно отнестись к своему призванию как к критическому мышлению в широком смысле: средству улучшения дебатов в других областях, но такому, которое от случая к случаю затрагивает детали этих дебатов, а не принятие законов сверху на основе предвзятых обобщений. Наконец, аналитическая философия могла бы также добиться худшего – и фактически добилась худшего, – чем заниматься своего рода критической исторической саморефлексией, которой способствовал ее исторический поворот.

REFERENCES

1. Hegel G.W.F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Hamburg. 1821. 679 p. (In German)
2. Searle J. R. Contemporary philosophy in the United States. In: The Blackwell companion to philosophy. 1996. P. 1-24.
3. Preston A. Analytic Philosophy: The History of an Illusion. London. 2007. 208 p.
4. Rescher N. American philosophy today. In: The Review of Metaphysics. 1993. P. 717-745.
5. Bouveresse J. Why I am so very Unfrench. In: Philosophy in France today. Cambridge University Press. 1983. P. 9-33.
6. Engel P. La dispute: une introduction à la philosophie analytique. Paris. 1997. 250 p. (In French)
7. Leiter B. Introduction: The Future for Philosophy. In The Future for Philosophy. Oxford University Press. 2004. P. 1-19.
8. The Story of Analytic Philosophy. London. 1998. 290 p.

9. Preston A. Prolegomena to any future history of analytic philosophy. In: *Metaphilosophy*. 2004. Vol. 35. №. 4. P. 445-465.
10. von Wright G. H. The Tree of Knowledge. In: *The Tree of Knowledge and Other Essays*. Brill. 1993. P. 127-154.
11. Glendinning S. The Analytic and the Continental. In: *New British Philosophy: the Interviews*. London 2002. P. 201-218.
12. May T. On the very idea of Continental (or for that matter Anglo–American) philosophy. In: *Metaphilosophy*. 2002. Vol. 33. №. 4. P. 401-425.
13. Bieri P. Was bleibt von der Analytischen Philosophie, wenn die Dogmen gefallen sind? In: *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 2007. Vol. 55. P. 333–344. (In German)
14. Putnam H. *Renewing philosophy*. Harvard University Press. 1995. 248 p.
15. Hintikka J. Who is about to kill analytic philosophy? In: *The Story of Analytic Philosophy*. London. 1998. P. 253-269.
16. Rajchman J. *Post-analytic philosophy*. New York. 1985. 275 p.
17. Baggini J. *New British philosophy: the interviews*. London. 2002. 320 p.
18. Mulhall S. *Post-Analytic Philosophy*. In: *New British Philosophy: the Interviews*. London. 2002. P. 237–252.
19. Glock, H.-J. *What is Analytic Philosophy?* New York. 2008. 306 p.
20. Marconi D. Glock on Analytic Philosophy. In: *Teorema: International Journal of Philosophy*. 2011. № 1. V. 30. P. 5-18.
21. Monk R. "Definitions, Characterisations..." and similar things": Hans-Johann Glock on Analytic Philosophy. In: *Teorema: International Journal of Philosophy*. 2011. № 1. V. 30. P. 33-41.
22. d'Agostini F. *Analitici e continentali: guida alla filosofia degli ultimi trent'anni* Milano. 1997. 553 p. (In Italian)
23. Macintyre A. The relationship of philosophy to its past. In: *Philosophy in History: Essays in the Historiography of Philosophy*. Ideas in Context. Cambridge University Press. 1984. P. 31-40.
24. Williams B. On hating and despising philosophy. In: *London Review of Books*. 1996. Vol. 18. P. 17-18.
25. Sorell T. On Saying No to History of Philosophy. In: *Analytic philosophy and history of philosophy*. New York. 2005. P. 43–59.
26. Fodor J. *Hume Variations*. Oxford University Press. 2003. 176 p.
27. Wilshire B. *Fashionable nihilism: A critique of analytic philosophy*. State University of New York Press. 2002. 172 p.
28. Wheeler S. Review of Hans-Johann Glock's «What is Analytic Philosophy?». In: *The European Legacy*. 2009. Vol. 14. P. 768–770.
29. Hacker P. M. S. *Analytic Philosophy - the Heritage*. In: *Teorema: International Journal of Philosophy*. 2011. Vol. 30. №. 1. P. 77-85.
30. Monk R. *Wittgenstein: The Duty of Genius*. London. 1990. 289 p.
31. Ryle G. *Autobiographical*. In: Ryle / ed. O.P. Wood and G. Pitcher. London. 1970. P. 1–15.
32. Glock H. J. Analytic philosophy and history: A mismatch? In: *Mind*. 2008. №. 468. V. 117. P. 867-897.
33. Russell B. *The Philosophy of Leibniz*. London. 1992. 344 p.
34. Ayer A. J. *Language, Truth and Logic*. Harmondsworth: Penguin. 1971. 207 p.
35. Reichenbach, H. *The Rise of Scientific Philosophy*. Berkeley: University of California Press. 1951 333 p.
36. Quine W.V. *Theories and Things*. Cambridge Mass.: Harvard University Press. 1981. 318 p.
37. Wilson M.D. *Ideas and Mechanism*. Princeton University Press. 1991. 546 p.
38. Critchley S. *Continental Philosophy: A Very Short Introduction*. Oxford University Press. 2001. 176 p.

39. Annas J. *Ancient Philosophy for the Twenty-First Century*. In: *The Future for Philosophy*. Oxford University Press. 2004. P. 25–43.
40. Kenny A.J.P. *A New History of Western Philosophy*. 4 Volumes. Oxford University Press. 2004–2007.
41. Urmson J.O. *Philosophical Analysis: Its Development between the Wars*. Oxford University Press, 1956. 270 p.
42. Kneale W. *The Development of Logic*. Oxford. 1984. 345 p.
43. Passmore J. *100 Years of Philosophy*. London. 1966. 300 p.
44. Dummett M.A.E. *The Origins of Analytical Philosophy*. London. 1993. 279 p.
45. Sluga H. *Gottlob Frege*. London. 1980. 203 p.
46. Baker G.P. *Wittgenstein, Frege and the Vienna Circle*. Oxford. 1988. 348 p.
47. Hylton P. *Russell, Idealism and the Emergence of Analytic Philosophy*. Oxford. 1990. 420 p.
48. Griffin N. *Russel's Idealist Apprenticeship*. Oxford. 1991. 290 p.
49. Weiner J. *Frege in Perspective*. Cornell University Press. 1990. 307 p.
50. Coffa A. *The semantic tradition from Kant to Carnap: to the Vienna station*. Cambridge University Press. 1991. 460 p.
51. Skorupski J. *English Speaking Philosophy 1750–1945*. Oxford University Press. 1993. 248 p.
52. Hacker P.M.S. *Wittgenstein's Place in Twentieth Century Analytic Philosophy*. Oxford. 1996. 314 p.
53. Stroll A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York. 2000. 304 p.
54. Baldwin T. *Contemporary Philosophy: Philosophy in English Since 1945*. Oxford University Press. 2001. 304 p.
55. Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol. 1. Princeton University Press. 2003. 432 p.
56. Stadler F. *Studien zum Wiener Kreis*. Frankfurt. 1997. 1053 p. (In German)
57. Hanna R. *Kant and the Analytic Tradition*. Oxford University Press. 2001. 328 p.
58. Bell D., Cooper N. *The Analytic Tradition: Roots and Scope*. Blackwell. 1990. 322 p.
59. Monk R. *Bertrand Russell and the Origins of Analytic Philosophy*. Bristol. 1996. 382 p.
60. *The Rise of Analytic Philosophy* / ed. H.J. Glock. Oxford. 1997. 112 p.
61. Tait W. *Early Analytic Philosophy: Frege, Russell, Wittgenstein*. Illinois. 1997. 291 p.
62. Reck E. *From Frege to Wittgenstein*. Oxford University Press. 2002. 488 p.
63. Beaney M. *The analytic turn: analysis in early analytic philosophy and phenomenology*. Routledge. 2011. 304 p.
64. Sorell T. *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. Oxford University Press. 2005. 240 p.
65. Beaney M. *What Is Analytic Philosophy? Recent Work on the History of Analytic Philosophy*. In: *British Journal for the History of Philosophy*. 1998. Vol. 6. P. 463–472.
66. Williamson T. *The Philosophy of Philosophy*. Oxford. 2007. 352 p.
67. Glock H.J. *From Armchair to Reality?* In: *Ratio*. 2010. V. XXIII. 2010. P. 339–348.
68. Alvarez M. *Glock on Analytic Philosophy and History*. In: *Teorema: International Journal of Philosophy*. 2011. № 1. V. 30. P. 95–102.
69. Beaney M. *Putting Analysis rightfully back into Analytic Philosophy*. In: *Teorema: International Journal of Philosophy*. 2011. № 1. V. 30. P. 87–94.
70. Hare R.M. *A School for Philosophers*. In: *Ratio*. 1960. Vol. 2. P. 107–120.
71. Ryle G. *Ordinary Language*. In: *Collected Essays*. Vol. II. London. 1953. 298 p.
72. Grice H.P., Strawson P.F. *In Defense of a Dogma*. In: *Philosophical Review*. 1956. № 65. P. 141–158.
73. Glock H.J. *Was Wittgenstein an Analytic Philosopher?* In: *Metaphilosophy*. 2004. Vol. 35. P. 419–444.

74. Preston A. Two wrongs don't make a right: a response to Glock's «What is analytical philosophy?». In: *Teorema: International Journal of Philosophy*. 2011. № 1. Vol. 30. P. 53-64.
75. Russell B. On Scientific Method in Philosophy. In: *Mysticism and Logic*. London. 1914. P. 75-93.
76. Russell B. *My Philosophical Development*. London. 1985. 279 p.
77. Moore G.E. *Principia Ethica*. Cambridge University Press, 1903. 352 p.
78. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. London. 1961. 278 p.
79. Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. Oxford. 1967. 308 p.
80. Wittgenstein L. *Philosophical Occasions*. Indianapolis. 1993. 234 p.
81. Glock H.J. *A Wittgenstein Dictionary*. Oxford. 1996. 456 p.
82. Carnap, R., Neurath O. *Wissenschaftliche Weltauffassung: Der Wiener Kreis*. In: *Gesammelte Philosophische und Methodologische Schriften*. Band 1. Hölder-Pilcher-Tempsky. 1981, P. 299-336. (In German)
83. Feigl H. *Inquiries and Provocations: Selected Writings 1929-1974*. Dordrecht. 1981. 468 p.
84. Aune B. Feigl and the Development of Analytic Philosophy at the University of Minnesota. [Electronic resource]. URL: <http://www.umass.edu/philosophy/PDF/Aune/feigl.pdf> (accessed: 24.12.2023).
85. Føllesdal D. Analytic philosophy: what is it and why should one engage in it? In: *Ratio*. 1996. № 3. Vol. 9. P. 193-208.
86. Beckermann A. Einleitung. In: *Grundbegriffe der Analytischen Philosophie* Stuttgart. 2004. P.1-12. (In German)
87. Rorty R. *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1982. 237 p.
88. Rockmore T. On the Structure of Twentieth Century Philosophy. In: *Metaphilosophy*. 2004. Vol. 35. P. 466-478.
89. Williams B. *Philosophy as a Humanistic Discipline*. Princeton University Press. 2006. 248 p.
90. Searle J. Reiterating the Differences: a Reply to Derrida. In: *Glyph*. 1977. Vol. 1. P. 198-208.
91. Derrida J. Signature, Event, Context. In: *Glyph*. 1977. Vol. 1. P. 172-197.
92. Derrida J. *Limited Inc*. Northwestern University Press. 1988. 160 p.
93. Papineau D. Is this a Dagger? In: *Times Literary Supplement*. February 14, 2003. P. 12.
94. Baldwin T. Editorial. In: *Mind*. 2006. № 115.
95. Quinton A. Continental Philosophy. In: *The Oxford Companion to Philosophy*. Oxford University Press. 1995. P. 161-163.
96. Hales S.D. Review of Hans-Johann Glock «What Is Analytic Philosophy». In: *Notre Dame Philosophical Reviews*. [Electronic resource]. URL: <http://ndpr.nd.edu/review.cfm?id=14386> (accessed: 24.12.2023).